

Валентин Красногоров

РЕЖИССЕР МАССОВЫХ ЗРЕЛИЩ

Трагикомедия
в двух действиях без перерыва

ВНИМАНИЕ! Все авторские права на пьесу защищены законами России, международным законодательством, и принадлежат автору. Запрещается ее издание и переиздание, размножение, публичное исполнение, помещение спектаклей по ней в интернет, экранизация, перевод на иностранные языки, внесение изменений в текст пьесы при постановке (в том числе изменение названия) без письменного разрешения автора.

[Полные тексты всех пьес, рецензии, список постановок](#)

См. также мой сайт:

<http://krasnogorov.com/>

Контакты:

Тел. +7-951-689-3-689

(972)-53-527-4146, (972) 53-527-4142

e-mail: valentin.krasnogorov@gmail.com

Сайт: <http://krasnogorov.com/>

-© Валентин Красногоров

АННОТАЦИЯ

Странная, забавная, таинственная ночная репетиция необычного представления с неожиданной развязкой.

Действующие лица

РЕЖИССЕР

КОНСУЛЬТАНТКА

МУЖЧИНА

ЖЕНЩИНА

Возраст персонажей решающего значения не имеет. Мужчинам может быть 40-60 лет, женщинам – 30-40.

Обычная, ничем не примечательная комната. Ее сценография – по усмотрению режиссера и художника. В начале действия она пуста. Спустя некоторое время в нее входит мужчина средних лет - Режиссер. Его сопровождает красивая, безупречно одетая женщина - Консультантка.

КОНСУЛЬТАНТКА. Прошу сюда. Пожалуйста, проходите.

РЕЖИССЕР. Здесь и будем репетировать?

КОНСУЛЬТАНТКА. Да. Вас что-нибудь не устраивает?

РЕЖИССЕР. Нет, почему же. Что это за комната?

КОНСУЛЬТАНТКА. Нечто вроде студии звукозаписи. Она хороша своей герметичностью.

Если закрыть дверь, то ни сюда, ни отсюда не доносятся никакие звуки. Для ваших репетиций это особенно подходит. Никто не будет беспокоить. Вам нравится?

РЕЖИССЕР. *(Небрежно.)* Вполне комфортно. Впрочем, мне все равно. Я могу работать в любых условиях, хоть в бурю на палубе корабля. Но где же так называемые артисты?

Ведь репетиция назначена на 22 часа, а уже три минуты одиннадцатого.

КОНСУЛЬТАНТКА. Скоро будут.

РЕЖИССЕР. *(Недовольно.)* Что значит «скоро»? Они должны быть здесь и готовы ровно в двадцать два. Моя работа не терпит отклонений от графика. После них мне еще предстоит работать всю ночь. Я должен любой ценой всё закончить завтра к трём, и это не та премьера, которую можно отложить на другое время.

КОНСУЛЬТАНТКА. Успокойтесь, сядьте. Хотите кофе?

РЕЖИССЕР. Дорогая, я пришел сюда не для того, чтобы пить кофе, а для того, чтобы делать дело. Кстати, а вы кто?

КОНСУЛЬТАНТКА. Я - консультантка.

РЕЖИССЕР. Милочка, я не нуждаюсь в консультантах.

КОНСУЛЬТАНТКА. Так я и не ваша консультантка.

РЕЖИССЕР. А чья?

КОНСУЛЬТАНТКА. Не ваша. Меня прислали помогать вам в репетиции.

РЕЖИССЕР. Помогать – мне? Я не нуждаюсь и в помощницах. Знаете ли вы, кто я?

КОНСУЛЬТАНТКА. Вы великий режиссер. Все это знают. Но не будете же вы сами наливать себе кофе или искать листки с текстами ролей? Для этого я здесь.

РЕЖИССЕР. Ну, если разве для этого... Терпеть не могу посторонних на репетиции.

КОНСУЛЬТАНТКА. Не беспокойтесь. Я буду лишь ваш ассистент, или помреж... Не знаю, как это у вас там в театрах называется.

РЕЖИССЕР. Ладно, оставайтесь, но ни в коем случае не вмешивайтесь в мою работу. Иначе я вас просто выставлю.

КОНСУЛЬТАНТКА. Хорошо.

РЕЖИССЕР. Если вы чья-то там консультантка, может быть, вы знаете, почему эта репетиция и вся моя работа должны сохраняться в тайне?

КОНСУЛЬТАНТКА. Должно быть, потому, что таково желание заказчика.

РЕЖИССЕР. Странное желание. Тут что-то не так.

КОНСУЛЬТАНТКА. Вам за эту работу заплатят?

РЕЖИССЕР. Разумеется.

КОНСУЛЬТАНТКА. Хорошо заплатят?

РЕЖИССЕР. Даже очень. По крайней мере, обещали.

КОНСУЛЬТАНТКА. Тогда у вас не должно быть вопросов.

РЕЖИССЕР. *(Нетерпеливо расхаживает по комнате.)* Но где же эти горе-артисты, черт бы их побрал?

КОНСУЛЬТАНТКА. Ну зачем же сразу так резко? Они уважаемые люди, у них высокие звания...

РЕЖИССЕР. Поэтому их сразу и надо призвать к порядку. Как только актер начинает напоминать мне о своих званиях, орденах, наградах и о том, сколько раз его показывали по телевизору, с ним сразу становится невозможно работать. Звезд не терплю. Таких я сразу выгоняю.

КОНСУЛЬТАНТКА. Их тоже показывают по телевизору, но я просила их вести себя скромно.

РЕЖИССЕР. Пусть попробуют вести себя по-другому... Пока я вижу только одно: к завтрашнему числу спектакль должен быть готов, а их нет. Они хоть знают свои роли?

КОНСУЛЬТАНТКА. Обещали выучить.

РЕЖИССЕР. Если не вызубрили наизусть, отправлю назад. У меня нет времени разучивать с ними тексты. Здесь не детский сад.

КОНСУЛЬТАНТКА. Я все-таки налью вам кофе.

РЕЖИССЕР. Да идите вы со своим кофе...

Входит Мужчина. Он несколько старше среднего возраста, на нем строгий темный костюм.

МУЖЧИНА. Добрый вечер.

РЕЖИССЕР. Наконец-то вы радуете нас своим присутствием.

МУЖЧИНА. Извините, я немного задержался...

РЕЖИССЕР. Я не принимаю этих извинений. Если вы не цените свое время, уважайте время других.

МУЖЧИНА. Я очень занятый человек, вы должны меня понять.

РЕЖИССЕР. Уверяю вас, я занят больше, чем вы, но пришел вовремя, хотя у меня на счету каждая секунда. В эту минуту над спектаклем под моим руководством работают сотни людей, и без четкого графика всё рухнет. Если я от каждого буду принимать вместо сделанной работы извинения, завтра нас ждет провал.

Поспешно входит Женщина. Она красива, одета ярко и вызывающе. Она навеселе, но пытается это скрыть.

ЖЕНЩИНА. Добрый вечер. *(Виновато.)* Я, кажется, опоздала.

РЕЖИССЕР. Как сказано в «Гамлете», «не кажется, а есть. Я не люблю того, что кажется».

ЖЕНЩИНА. *(Озадаченно.)* Это вы про что?

РЕЖИССЕР. Про то, что вы опоздали, а я этого не терплю.

ЖЕНЩИНА. Так получилось.

РЕЖИССЕР. Если у вас и дальше будет «так получаться», то у нас ничего не получится, ясно?

КОНСУЛЬТАНТКА. Может быть, мы начнем репетицию?

РЕЖИССЕР. Милочка, вы уже даете мне советы?

КОНСУЛЬТАНТКА. Но ведь они пришли, извинились.

РЕЖИССЕР. Вот и сидите тихо, чтобы я больше вас не слышал. Я хочу, чтобы все сразу поняли: без железной дисциплины мы ничего не добьемся. Наше время очень ограничено. Все должны слушаться меня беспрекословно. Звездной болезни я не допущу. Надеюсь, всем это ясно?

Молчание.

Вот и прекрасно. Теперь не будем терять ни минуты. *(Смотрит в свой блокнот.)*
Первой у нас выступает дама. Остальные сидят, молчат и не мешают. *(Женщине.)* Вы готовы?

ЖЕНЩИНА. Сейчас, я только позвоню.

РЕЖИССЕР. Никаких звонков! Всем отключить телефоны!

ЖЕНЩИНА. Я быстро. Это очень важно.

РЕЖИССЕР. Важнее репетиции ничего быть не может.

ЖЕНЩИНА. Ну, хорошо. *(Прячет телефон.)*

РЕЖИССЕР. Я, кажется, спросил - вы готовы?

ЖЕНЩИНА. Да.

РЕЖИССЕР. Так начинайте. Пройдите вперед... Кстати, почему вы так одеты? Я просил передать, чтобы вы явились в сценических костюмах.

ЖЕНЩИНА. Я не знала, что это обязательно.

РЕЖИССЕР. Запомните: всё, что я говорю, это обязательно. Запомнили?

ЖЕНЩИНА. Да.

РЕЖИССЕР. Прекрасно. Вы должны были надеть приготовленный костюм, чтобы к нему привыкнуть, в него вжиться, почувствовать его своим. Но самое главное, чтобы он помог вам создать нужное настроение.

ЖЕНЩИНА. Я боялась его испачкать или помять.

РЕЖИССЕР. Тогда хотя бы могли догадаться надеть что-нибудь потемнее. А то вы будете сейчас изображать скорбь, а юбка у вас, извините, едва скрывает то, что обычно в дневное время демонстрировать не принято. Правда, сейчас уже почти ночь. Да и вообще, есть ли на вас юбка?

ЖЕНЩИНА. А вы не видите?

РЕЖИССЕР. Почти не вижу.

ЖЕНЩИНА. А вы всмотритесь.

РЕЖИССЕР. Боюсь, если я буду всматриваться, то я увижу слишком много.

ЖЕНЩИНА. Такое теперь носят.

РЕЖИССЕР. Ладно, не будем терять время на разговоры. Как говорят в театре, ваш выход.

Пауза. Женщина явно не знает, что делать.

Ну, что же вы стоите, как соляной столб?

ЖЕНЩИНА. А вы не сказали мне, что делать.

РЕЖИССЕР. Прежде всего, выйти вперед и встать лицом к публике.

Женщина остается на своем месте.

Ну? Какая проблема теперь?

ЖЕНЩИНА. Я не знаю, как мне идти.

РЕЖИССЕР. Вы не умеете ходить? Вас и этому надо учить?

ЖЕНЩИНА. Я имела в виду – быстро, энергично, или наоборот, медленно?

РЕЖИССЕР. Разумеется, медленно. В предлагаемых обстоятельствах надо всё делать медленно и печально.

ЖЕНЩИНА. А где публика?

РЕЖИССЕР. Публика – это я.

Женщина выходит к центру сцены и снова молчит.

Дорогая, у вас редкий дар. Я люблю молчаливых женщин, но молчание - не всегда золото. Начните же наконец!

ЖЕНЩИНА. Одну минуту... *(Подходит к своей сумочке, раскрывает ее, достает оттуда*

листки, разворачивает их и снова «медленно и печально» возвращается в центр сцены.)

РЕЖИССЕР. Это еще что такое?

ЖЕНЩИНА. *(Виновато.)* Роль.

РЕЖИССЕР. *(Взрываясь.)* Как? Вы еще не выучили своей роли? Что за дисциплина? Что за порядки? Я отказываюсь с вами работать! Вы и завтра будете говорить по бумажке?

ЖЕНЩИНА. А что такого? У нас все говорят по бумажке.

РЕЖИССЕР. Это у вас. А у меня вы будете говорить без нее, или я вас прямо сейчас сниму с роли. Ваши слова должны рождаться от чувства, а не от шпаргалки.

Мужчина на своем стуле спешно достает из кармана листки и начинает учить роль.

ЖЕНЩИНА. Я к завтраму выучу.

РЕЖИССЕР. И, думаете, я вам поверю? Да и способны ли вы что-нибудь выучить, да еще *(передразнивая)* к завтраму?

ЖЕНЩИНА. Даю слово.

РЕЖИССЕР. Ну, хорошо, читайте пока по бумажке. *(Насмешливо.)* Читать-то умеете?

Женщина предпочитает не реагировать. Она находит нужный листок и читает.

ЖЕНЩИНА. *(Жизнерадостно.)* «Дорогой друг!»

РЕЖИССЕР. Стоп!

ЖЕНЩИНА. Что такое?

РЕЖИССЕР. А то, что так читают поздравление на дне рождения. Надо придать лицу и всему телу скорбный вид. Движения медленные, плечи опущены, руки безвольно висят, губы вас не слушаются, слова произносятся с трудом. Понятно?

ЖЕНЩИНА. Да. *(Стараясь говорить печально.)* «Дорогой друг!» *(Поправляет сползшую с плеча бретельку.)*

РЕЖИССЕР. Нет, скорбный вид у вас не получается. Да и как он может получиться, если грудь у вас открыта почти до пояса, а ноги... сами знаете, до чего. Как вас угораздило явиться сюда в таком виде?

ЖЕНЩИНА. Дело в том, что меня сюда вызвали... как бы это сказать... прямо с дружеской вечеринки.

РЕЖИССЕР. И вы, конечно, слегка там выпили.

ЖЕНЩИНА. Немножко.

РЕЖИССЕР. И, видимо, забыли там второпях часть одежды.

ЖЕНЩИНА. Не смешно.

РЕЖИССЕР. Грустно. А еще пытались уверить меня, что опоздали, потому что очень заняты.

ЖЕНЩИНА. Имею же я право иногда повеселиться. Откуда я знала, что меня оттуда срочно выдернут?

РЕЖИССЕР. *(Еще раз критически оглядывая Женщину.)* Нет, в таком виде правильную интонацию из вас не выжмешь.

ЖЕНЩИНА. У меня тот костюм внизу, в машине. Может, мне пойти и быстро переодеться?

РЕЖИССЕР. Стойте, дайте пока подумать... *(Внимательно разглядывает женщину.)* Вы еще вполне ничего... Смотрите... И без одежды, вероятно, даже лучше, чем в ней... Да, пожалуй, мы ее снимем.

ЖЕНЩИНА. По телевизору?

РЕЖИССЕР. Нет, мы снимем с вас одежду. А потом можно будет снимать вас и по телевизору.

ЖЕНЩИНА. Я не понимаю. Вы хотите, чтобы я выступала голой?

РЕЖИССЕР. А вы считаете себя в этом наряде одетой?

ЖЕНЩИНА. *(Испуганно.)* Но не могу же я появиться на людях без всего.

РЕЖИССЕР. Почему нет? Во-первых, без всего вы будете выглядеть более прилично, чем в полуголая. Во вторых, без обнаженки сейчас не обходится ни один спектакль.

ЖЕНЩИНА. *(Испуганно.)* Вы серьезно хотите меня раздеть?

РЕЖИССЕР. Если хотите, я могу раздеть вас несерьезно.

ЖЕНЩИНА. Но меня же увидят столько людей!

РЕЖИССЕР. Должны же они получить от нашего зрелища хоть какие-то положительные эмоции.

МУЖЧИНА. А чем вы будете это мотивировать?

РЕЖИССЕР. *(Удивленный вмешательством Мужчины.)* Вообще-то это забота не ваша, а режиссера. Но мотивировка очевидна: обезумевшая от страдания женщина, думая не о приличиях, а только о своем горе, в отчаянии припадает к гробу возлюбленного. Нагота ее прикрыта, как у святой Инессы, одними лишь распущенными волосами...

ЖЕНЩИНА. У меня волосы не такие длинные, чтобы прикрыть... ну, это... наготу.

РЕЖИССЕР. Дадим вам парик. Впрочем, ладно, я обдумаю этот вариант позже. А пока начнем с начала. Ну? Не тяните время! Поехали!

ЖЕНЩИНА. «Дорогой друг!..»

РЕЖИССЕР. Не так! Скорби, скорби побольше! Пустите слезу, если сможете!

ЖЕНЩИНА. *(Безуспешно пытается выдавить из себя слезинку.)* У меня рыдания не получаются. Всегда получаются, а сейчас нет.

РЕЖИССЕР. Как это не получаются, черт побери? У вас нет воображения, что ли? Ну, представьте, например, что вас бросил любовник. Не помните текста, так пока импровизируйте.

ЖЕНЩИНА. *(На секунду задумывается, потом выражение ее лица резко меняется.)* Сволочь! Мерзавец! Я всегда знала, что ты меня бросишь! Но не волнуйся, плакать не буду. И одна надолго не останусь... Ты еще пожалеешь...

РЕЖИССЕР. Стоп! К кому вы обращаетесь?

ЖЕНЩИНА. *(Смутившись.)* Ну... К любовнику.

РЕЖИССЕР. Который лежит в гробу?

ЖЕНЩИНА. Но он же меня бросил. Не называть же мне его «дорогой друг».

РЕЖИССЕР. *(Устало.)* Он вас не бросил, а оставил. Ради высшей вечной жизни, в которой вы когда-нибудь с ним воссоединитесь. Вот в каких категориях надо строить образ. И надо не кричать «плакать не буду», а, наоборот, плакать горькими слезами. Я чувствую, что мыслями вы все еще на вашей вечеринке. Сядьте, подучите текст и подумайте над ролью. И попейте кофе, чтобы немножко протрезветь. *(Кивая на Консультантку, скромно сидящую в углу.)* Девушка вам нальет.

ЖЕНЩИНА. *(Покосившись с опаской на Консультантку.)* Да нет, зачем ее беспокоить? Я могу продолжать и так.

РЕЖИССЕР. Сядьте, вам говорят. А я пока поработаю с другим актером. *(Мужчине.)* Прошу.

МУЖЧИНА. *(Выходит к центру сцены, останавливается, разворачивает листок со своей ролью. Пауза.)* Мне тоже изображать скорбь?

РЕЖИССЕР. *(Иронически.)* Нет, буйную радость. *(Свирепо.)* Вы же находитесь у гроба, черт побери! Неужели это надо объяснять?

МУЖЧИНА. Понял. *(Изображает скорбь.)* «Дорогой друг!»

РЕЖИССЕР. Стоп! «Дорогой друг» уже был. Нельзя ли для разнообразия начать как-нибудь по-другому? Хотя бы «незабвенный друг»? Разве вы с ней говорите одну и ту же речь?

МУЖЧИНА. Извините, я по ошибке взял ее роль. *(Возвращается к стульям, берет листок со своей ролью и возвращается на прежнее место. Снова пауза.)* Скажите, а завтра во

время представления я буду произносить речь на трибуне или просто стоя?
 РЕЖИССЕР. Около гроба трибун не ставят. Так что шпаргалку прятать будет негде.
 МУЖЧИНА. Значит, речь надо будет выучить наизусть?
 РЕЖИССЕР. А вы еще не выучили?
 МУЖЧИНА. Понимаете, я привык как-то больше по бумажке. Людям нашего ранга не
 позволяется импровизировать.
 РЕЖИССЕР. В порядке исключения придется без бумажки.
 МУЖЧИНА. Я могу сбиться.
 РЕЖИССЕР. Если собьетесь не сильно, то ничего страшного. Даже лучше. Вы как бы
 взволнованы, подавлены случившимся, с трудом находите слова.
 МУЖЧИНА. Понял. *(Перебирает бумажки в поисках нужного места и собирается начать
 речь.)*
 РЕЖИССЕР. Не забудьте принять скорбный вид.
 МУЖЧИНА. *(Принимая скорбный вид.)* «Дорогой друг!»
 РЕЖИССЕР. *(Взрываясь.)* Опять «дорогой друг!» Вы что – надо мной издеваетесь?
 МУЖЧИНА. Извините, я машинально. Немного волнуюсь.
 РЕЖИССЕР. Хорошо. Начинайте снова.

*Мужчина принимает скорбную позу, открывает рот, но в это время у
 Консультантки звонит мобильный телефон.*

КОНСУЛЬТАНТКА. Алло! Да. Хорошо... Все готово? Когда? Примерно через час?
 Проверьте еще раз, полковник. Чтобы всё было без сбоев.
 РЕЖИССЕР. *(Свирепо.)* Я, кажется, приказал всем отключить телефоны. Почему вы не
 выполнили мое указание?
 КОНСУЛЬТАНТКА. Я не имею права отключать телефон. Тем более в такой день.
 РЕЖИССЕР. А мне плевать на ваше право. Здесь важна только репетиция. *(Стучит кулаком
 по столу и обводит всех грозным взглядом.)* Если еще у кого-нибудь зазвонит телефон,
 я... *(Мужчине.)* Продолжайте.
 МУЖЧИНА. Извините... *(Вместо того чтобы произносить речь, начинает рыться в
 карманах.)*
 РЕЖИССЕР. *(Скрежеща зубами.)* Что опять?
 МУЖЧИНА. Не могу найти очки.
 РЕЖИССЕР. К черту очки! Завтра у вас не будет ни очков, ни бумажки. Говорите же,
 говорите хоть что-нибудь! Представьте, что вы стоите на возвышении посреди
 просторной площади, перед вами открытый гроб, оркестр умолк, караул замер, на вас
 направлены десятки телевизионных камер, и вся страна смотрит на вас и ждет, что вы
 скажете. Вы будете рыться в это время в карманах?
 МУЖЧИНА. Но я же еще не выучил речь.
 РЕЖИССЕР. Я знаю, что не выучили. Но думайте пока не о том, ЧТО сказать, а о том, КАК
 сказать.
 КОНСУЛЬТАНТКА. *(Из своего угла.)* «Что» - тоже важно.
 РЕЖИССЕР. *(Грозно.)* А вас никто не спрашивает.
 МУЖЧИНА. И как же это надо сказать?
 РЕЖИССЕР. Задушевно, проникновенно, слова должны идти как бы из самого сердца...
 Помните, как сказано в «Фаусте»? «Но сердца к сердцу речь не привлечет, коль не из
 сердца ваша речь течет». Понятно? Ну! Поехали!
 МУЖЧИНА. *(Проникновенно читает по бумажке.)* «Дорогой брат!»...
 РЕЖИССЕР. Смотрите не в бумажку, а в камеру, прямо в камеру!
 МУЖЧИНА. Но тут же нет камеры.
 РЕЖИССЕР. Здесь, на репетиции, роль камеры буду играть я. А завтра, во время шоу,

наоборот, представьте, что камера – это ваш режиссер, ваш лучший друг, и, глядя ей прямо в глаза, то есть прямо в объектив, обращайтесь к ней, как к живому человеку. Помните, что таким образом вы будете глядеть в глаза миллионов людей, а они будут глядеть на вас. Ясно? Поехали!

МУЖЧИНА. (*Пристально глядя на Режиссера.*) «Дорогой брат!...»

РЕЖИССЕР. Стоп! В камеру вы смотрите хорошо, но забыли изобразить скорбь.

МУЖЧИНА. Трудно запомнить все сразу – и лицо, и слова, и скорбь. Я боюсь сбиться.

РЕЖИССЕР. Черт с ними, со словами. Слова – последнее дело. Не можете запомнить – не надо. В современном театре они не важны, главное – передать эмоцию.

КОНСУЛЬТАНТКА. Мне кажется все-таки, что слова тоже важны.

РЕЖИССЕР. (*Консультантке.*) Вас выставить сейчас или подождать, когда вы подадите следующую реплику? (*Мужчине.*) Продолжайте. Лицо должно быть грустное, но в то же время просветленное, внушающее энергию и оптимизм. Да, ваш лучший друг безвременно покинул вас, но в душе он всегда останется с вами, память о нем не сотрется, дело его не погибнет, и продолжать его будете именно вы. Итак, начали снова! Рыдания сдавливают вам горло...

МУЖЧИНА. (*Безуспешно пытаюсь изобразить на лице смесь грусти, энергии и оптимизма. Сдавленным голосом.*) «Дорогой брат!»

РЕЖИССЕР. Что вы там бормочете?

МУЖЧИНА. Это рыдания сдавливают мне горло.

РЕЖИССЕР. Пусть сдавливают, но говорить надо отчетливо.

МУЖЧИНА. (*Своим голосом.*) Всё это очень трудно. Как можно изобразить сразу и скорбь, и оптимизм? Не получается.

РЕЖИССЕР. (*В сердцах.*) Не получается, потому что вы не умеете и не хотите работать. Боюсь, я только теряю с вами свое драгоценное время.

МУЖЧИНА. (*Неожиданно сухо и высокомерно.*) Вы забываетесь, уважаемый. Сбавьте, пожалуйста, тон. Да, у нас нет актерского таланта. Ну и что? Мы и не обязаны его иметь. У нас есть занятия поважнее. Политики не должны быть актерами.

РЕЖИССЕР. Ошибаетесь. Это актеры не должны быть политиками. А вот хороший политик должен быть актером. Но так и быть: если я когда-нибудь найду время, то дам вам несколько частных уроков. За хорошие деньги, разумеется. А пока пойдите, потренируйтесь у зеркала и поучите слова.

МУЖЧИНА. (*Нервно.*) Ваша бесцеремонность недопустима, слышите? Мы вам не какие-нибудь шлюшки из мюзик-холла, или где вы там подвизаетесь, а достойные, уважаемые люди. Ведите себя соответственно.

РЕЖИССЕР. Запомните: в любом театре режиссер – это всё, а прочие, кто бы они ни были – никто и ничто, пустое место, вешалки для костюмов, куклы, марионетки. Ясно?

МУЖЧИНА. А я повторяю: мы не будем терпеть ваши издевательства только потому, что у нас что-то не получается.

РЕЖИССЕР. (*Насмешливо.*) «Что-то не получается»... Какая скромность! «Что-то»! (*Свирепо.*) Да у вас ничего не получается! Слышите? Ничего! (*Подумав.*) Вот что я сделаю. Завтра на площади, в окне ближайшего здания я поставлю снайпера. И если вы не выучите текст, то, как только вы сделаете первую ошибку, винтовка сделает пиф-паф. Второй гроб я заготовлю заранее. А двойную речь произнесет над парной могилой ваша партнерша. (*Женщине.*) Произнесете?

ЖЕНЩИНА. С удовольствием.

РЕЖИССЕР. Уверяю вас, эффект представления будет грандиозным. Жаль, что вы уже не сможете им насладиться.

МУЖЧИНА. Ваши шуточки глупы и неуместны.

РЕЖИССЕР. А я вовсе не шучу. Осталось меньше суток до нашего позора, так что

перестаньте заниматься разговорами и возьмитесь, наконец, за дело. Всякий спектакль требует работы и подготовки, а наш особенно. В нем участвует тьма народу, а времени у нас в обрез.

КОНСУЛЬТАНТКА. Мне кажется, вы нервничаете. Бойтесь не успеть?

РЕЖИССЕР. Я никогда ничего не боюсь. Всё будет готово в срок. Я ставил зрелища и на улицах, и на площадях, и на стадионах, и в плавательных бассейнах... И всегда всё работало как часы. Это моя профессия. Я работаю, как вол, но добиваюсь такого же отношения к работе от других.

МУЖЧИНА. Я не против работы, но требую к себе уважения. Я вам не какой-нибудь мальчик, а руководитель высшего ранга.

РЕЖИССЕР. А я требую уважения к себе. В свободное от репетиций время, - пожалуйста - руководите правительством или там страной, мне все равно. А здесь постановкой спектакля руковожу я, а вы в нем только актеры и статисты и должны делать то, что вам говорят.

МУЖЧИНА. Занимайтесь своим делом, но не забывайте, кто вы и кто я.

РЕЖИССЕР. Я не забываю, что вы наш премьер, хотя премьер самого захудалого провинциального театра сыграл бы роль в завтрашнем спектакле куда лучше. И вы, в свою очередь, не забывайте: именно я создавал вам имидж, когда вас готовили в премьеры. Именно я учил вас ходить, говорить, одеваться, держаться, чтобы вы имели видимость серьезного, умного, достойного человека. И мы здесь на репетиции, а не на заседании правительства. А на репетиции все подчиняются только одному человеку, а именно - режиссеру. И этот режиссер - я.

МУЖЧИНА. Позвольте...

РЕЖИССЕР. *(Обрывая Мужчину.)* И смею заметить, что, когда министра снимают с должности, он становится никем, «бывшим». А моё у меня никто не отнимет. Я был, есть и останусь профессионалом высокого уровня.

МУЖЧИНА. Но это не дает вам права...

РЕЖИССЕР. *(Обрывая.)* Постойте, я еще не кончил. Если вы всенародно провалите завтрашнее представление, это будет, конечно, ваш провал. Но, к сожалению, это будет и мой провал. Вас, вероятно, снимут, но я это переживу. Меня никто не снимет, но я дорожу своей репутацией лучшего в мире постановщика массовых зрелищ и не хочу из-за вас ее терять. И я не выпущу вас отсюда, пока вы не произнесете свои речи так, как нужно. Это, прежде всего, в ваших же интересах. Неужели вы этого не понимаете?

МУЖЧИНА. *(Менее уверенно.)* Я только хотел сказать, что мне не нравятся методы, которыми вы ведете репетицию.

МУЖЧИНА. Режиссура – это моя профессия, и предоставьте эту работу мне. Если бы всем профессионалам вы дали делать дело так, как они умеют и хотят, наша страна давно была бы другой. А вы во все вмешиваетесь и все портите. *(Указывая на Женщину.)* Берите пример с вашей коллеги по правительству. Она сидит тихо и не затягивает репетиции бесполезными перепалками. *(Женщине.)* Ведь вы, кажется, тоже министр, депутат или что-то в этом роде?

ЖЕНЩИНА. А что?

РЕЖИССЕР. Ничего. Ну, и чем вы там заправляете?

ЖЕНЩИНА. На что могут поставить министром женщину? Только на то, что у нас считается самым неважным, третьестепенным: здравоохранение, образование, культуру...

РЕЖИССЕР. И какое же из этих министерств вы возглавляете?

ЖЕНЩИНА. Я? *(Мучительно вспоминает.)* Это... Как его... Кажется, образования... или нет, культуры. Я их вечно путаю. *(Мужчине.)* Вы не помните, я сейчас министр чего –

образования или культуры?

МУЖЧИНА. (*Угрюмо.*) Сельского хозяйства.

ЖЕНЩИНА. Верно! А я почему-то думала – культуры.

МУЖЧИНА. Культурой вы руководили в прошлой каденции.

ЖЕНЩИНА. Почему вы мне раньше не напомнили? А то я вчера на заседании коллегии все время повторяла, что наша главная задача – развивать культуру.

МУЖЧИНА. Не страшно. Они, вероятно, решили, что вы призываете их к культуре племенного животноводства.

КОНСУЛЬТАНТКА. Извините, что я вмешиваюсь, но репетиция ушла куда-то в сторону. Не пора ли к ней вернуться?

РЕЖИССЕР. Дорогуша, сразу видно, что вы ничего не понимаете в театре. Все репетиции состоят, в основном, из ненужных разговоров и ругани. Без конфликта не рождается спектакль. Но я отвлекся неслучайно. Просто я чувствую, что завтрашнему спектаклю чего-то не хватает. Какой-то изюминки... Всё скучно, обыденно, не зрелищно... Всё, как у других... Нужно что-то придумать, нужна находка, трюк, фокус, прием. (*Задумывается на мгновение.*) Может быть, наш уважаемый премьер прямо в живом эфире изнасилует эту замечательную женщину?

ЖЕНЩИНА. Меня?!

РЕЖИССЕР. А кого же еще?

МУЖЧИНА. Вы с ума сошли.

ЖЕНЩИНА. А что тут такого? Я не против.

МУЖЧИНА. Я тоже, но почему обязательно прямо перед камерой?

РЕЖИССЕР. Чтобы был скандал.

МУЖЧИНА. А зачем скандал?

РЕЖИССЕР. Как зачем? Без скандала не может быть успеха. Кому интересно смотреть на похороны? Это ведь довольно унылое и, в общем, всем знакомое зрелище. Правда, я дал указание художнику максимально украсить его и сделать более праздничным и жизнерадостным, но похороны есть похороны. Всегда одно и то же – постные физиономии, фальшиво-скорбные речи... Телезрители тут же переключатся на футбол или на сериал. А если будет скандал, то об этом заговорят, будет взрыв интереса, народ будет требовать повтора. Я всегда ставлю так, чтобы был скандал. Остальное ни меня, ни зрителя не интересует.

КОНСУЛЬТАНТКА. Но какое отношение насилие имеет к похоронам?

РЕЖИССЕР. Никакого. В этом и есть фишка. Например, как-то я ставил официальную встречу одного зарубежного лидера, и знаете, что придумал? Навстречу ему выбежали голые девушки с нецензурной татуировкой на грудях. Этот ролик показали телекомпании всех стран.

МУЖЧИНА. А что лидер?

РЕЖИССЕР. Остался очень доволен: девушки были что надо, и его фамилию узнал весь мир. А до этого о нем и не слыхивали. Так создается успех. А когда в Сингапуре я режиссировал фестиваль орхидей...

КОНСУЛЬТАНТКА. Извините, что я снова вмешиваюсь, но у нас сейчас не вечер воспоминаний, а репетиция.

РЕЖИССЕР. Слово «репетиция», дорогая моя, на латинском языке означает «повторение». Но у настоящего режиссера каждая репетиция – это не повторение одного и того же, а поиски и выдвигание новых идей.

КОНСУЛЬТАНТКА. Сцена с насилием не кажется мне удачной идеей.

РЕЖИССЕР. Во-первых, кисонька, вас никто не спрашивает. Во-вторых, я вижу сцену похорон именно так. Как говорил один великий режиссер, чем будем удивлять?

КОНСУЛЬТАНТКА. Вы думаете, что половым актом на экране телевизора вы теперь кого-

то удивите?

РЕЖИССЕР. Честно говоря, не уверен. Я выдвинул эту идею лишь как рабочую гипотезу.

Ну, а чем, по-вашему, можно удивить теперешних зрителей?

КОНСУЛЬТАНТКА. Ну, например, логичностью спектакля.

РЕЖИССЕР. Это старо. Я всегда должен опережать свой век, а не плестись позади него. Вот почему в моих спектаклях больше трюков, нецензурщины, насилия и прочего, чем у других. Еда без перца и прочих пряностей пресна и безвкусна.

КОНСУЛЬТАНТКА. Так говорят только те, кто не умеет вкусно готовить.

РЕЖИССЕР. Я привык задавать тон и не собираюсь от этого отступить. Зрители должны уходить с моих спектаклей одуревшими. Это и есть настоящее искусство. Вот почему я лучший режиссер массовых зрелищ в этой стране.

КОНСУЛЬТАНТКА. Вы уверены, что все разделяют это мнение?

РЕЖИССЕР. Меня не интересует, что думают обо мне другие. Важно, что думаю о себе я сам.

КОНСУЛЬТАНТКА. Не хочу вас обижать, но я знаю лучшего профессионала в этой области, чем вы.

РЕЖИССЕР. *(Уязвленный.)* Этого не может быть. Кто он?

КОНСУЛЬТАНТКА. Неважно.

РЕЖИССЕР. Нет, назовите фамилию. Я знаю всех профессионалов в этой области.

КОНСУЛЬТАНТКА. В другой раз. Сейчас некогда обсуждать рейтинги, скоро уже похороны. Надо работать.

РЕЖИССЕР. Вы слишком много себе позволяете. Уж не собираетесь ли вы меня поторапливать или указывать мне, как надо ставить спектакли? Кстати, кого мы хороним?

Звонит мобильный телефон.

У кого, черт возьми, опять звонит телефон? Я же велел всем его отключить!

КОНСУЛЬТАНТКА. Это звонит ваш телефон.

РЕЖИССЕР. Да? *(Достает трубку.)* Верно.

КОНСУЛЬТАНТКА. *(С легкой усмешкой.)* Кстати, а почему **вы** его не отключили?

РЕЖИССЕР. Потому что основная моя работа совершается не здесь, а по всему городу, и в ней заняты, как я уже сказал, сотни людей. И, кроме того, я – это я. *(В трубку.)* Алло!... Я же сказал: генеральная репетиция в два часа ночи. Чтобы люди к этому времени были на площади! Организуй доставку, а потом развозку. У тебя для этого есть тридцать автобусов... Не забудь о микрофонах и цветах... А что с лошадьми?... *(Выходит, продолжая разговор.)*

МУЖЧИНА. Хвастливый самодовольный индюк. Грубый и бесцеремонный. Воображает, что он - пуп земли.

ЖЕНЩИНА. Но свое дело он знает.

МУЖЧИНА. Это не извиняет его хамства и не освобождает от вежливости.

КОНСУЛЬТАНТКА. Он нервничает: ведь вся ответственность лежит именно на нем.

МУЖЧИНА. Я не буду с ним работать. Надо его заменить.

КОНСУЛЬТАНТКА. Старая история: артисты хотят заменить режиссера, режиссер – артистов... Оставьте эти разговоры.

МУЖЧИНА. Почему? Зачем нам этот диктатор? Разве нет других режиссеров?

КОНСУЛЬТАНТКА. Думаете, другие режиссеры лучше? Все они диктаторы. И не только они. Да и поздно уже говорить о заменах и переменах. До церемонии остались считанные часы. Лучше постарайтесь выполнять его указания. Тогда и конфликтов будет меньше.

Режиссер возвращается, пряча на ходу телефон.

РЕЖИССЕР. Продолжаем репетицию. (*Женщине.*) Вы уже знаете свой текст?

ЖЕНЩИНА. (*Неуверенно.*) Я учила.

РЕЖИССЕР. Очень хорошо. Чтобы не топтаться на месте, начнем сразу со второго абзаца.

ЖЕНЩИНА. (*С текстом речи в руках.*) «Дорогой Александр!..» (*Режиссеру.*) Александр – это кто?

РЕЖИССЕР. Очевидно, человек, которого вы хороните.

ЖЕНЩИНА. Его звали Александр?

РЕЖИССЕР. Вероятно. Вам лучше знать.

КОНСУЛЬТАНТКА. (*С плохо скрываемым раздражением.*) Да, его имя Александр. Разве вы не помните?

ЖЕНЩИНА. Откуда мне знать? Я о нем и слыхом не слыхала, пока он не обнародовал наши операции с недвижимостью и нефтью.

КОНСУЛЬТАНТКА. (*Сухо.*) Дорогая, когда вы говорите, ваши слова должны быть лучше молчания. Режиссеру незачем знать подробности вашей личной жизни.

ЖЕНЩИНА. А что я такого сказала? Здесь же все свои.

КОНСУЛЬТАНТКА. (*Решительно.*) Пойдемте со мной. Вам надо облиться холодной водой. И заодно переоденетесь во что-нибудь более приличное.

ЖЕНЩИНА. А как же репетиция?

КОНСУЛЬТАНТКА. Режиссер пока поработает с нашим уважаемым премьером.

РЕЖИССЕР. Какое вы имеете право тут распоряжаться и вмешиваться в мою работу?

КОНСУЛЬТАНТКА. Я не вмешиваюсь, а помогаю. (*Женщине, повелительно.*) Идемте.

Женщина направляется к выходу, но Консультантка ее останавливает.

Постойте. Дайте мне на минуту вашу сумку. (Берет у Женщины сумку, вынимает оттуда бутылку коньяка и ставит ее на полку.) Теперь пошли.

Консультантка и Женщина выходят.

РЕЖИССЕР. (*Мужчине.*) Ну что ж, придется пока поработать только с вами. Главная задача завтрашнего шоу – это высокий рейтинг, ясно? В этом духе и надо строить спектакль.

МУЖЧИНА. Я с этим полностью согласен, пока речь идет о моем личном рейтинге. Но не о рейтинге этой бабы. Ее вообще не следовало допускать к участию в представлении.

РЕЖИССЕР. Я не совсем понимаю, кого вы имеете в виду. Консультантку?

МУЖЧИНА. Нет, эту... Министершу. Я не хочу говорить о ней ничего плохого, но вы же сами видите, что она без царя в голове.

РЕЖИССЕР. Актрисе нужен не ум, а талант. Вас она не устраивает как актриса?

МУЖЧИНА. Она меня не устраивает как политик.

РЕЖИССЕР. А чем она плоха?

МУЖЧИНА. А тем, что в последнее время её стало очень много. Везде высовывается, всем дает интервью, высказывается по каждому вопросу. И, знаете, почему? Вы не поверите: она метит на мое место.

РЕЖИССЕР. Она?!

МУЖЧИНА. Конечно. Чему вы удивляетесь? Разве вы не знаете, что чем человек бездарнее, тем непомернее у него амбиции.

РЕЖИССЕР. Почему же вы взяли ее в свое правительство?

МУЖЧИНА. Думаете, это я ее взял? Не всё, к сожалению, зависит от меня... Кроме того, есть разные политические соображения.

РЕЖИССЕР. Какие могут быть соображения, кроме деловых?

МУЖЧИНА. Приличие и политика требуют, чтобы в правительстве были хотя бы две-три женщины. Причем желательно, не старые выдры, а такие, чтобы можно было

показывать их по телевизору. Вот и пришлось ее взять. К тому же, другие еще хуже.

РЕЖИССЕР. А ум и работоспособность вы не берете в расчет?

МУЖЧИНА. При чем тут ум? По телевизору он не виден. Знаете старый анекдот: «Кем быть лучше – глупым или лысым? Ответ: глупым. Не так заметно». Поэтому такие бабы и светятся на экране, а работают за них другие.

РЕЖИССЕР. Все это прекрасно, но что вы хотите от меня? Я занимаюсь не правительством, а репетицией. Выгнать я ее не могу. Она вписана у меня в сценарий. Зрители хотят видеть не только гроб и постные лица, но и модную прическу, талию, ножки и всё такое. Всё это оживит зрелище, будет активно обсуждаться. Кроме того, в сценах похорон нужна этакая плакальщица, она как бы более искренна, более непосредственна, чем мужчина. Считается, что женщиной больше движет чувство, чем разум. Она сильнее заденет сердца зрителей.

МУЖЧИНА. (*Мрачно.*) Вот и получится, что все будут глазеть только на нее.

РЕЖИССЕР. Хорошо, я постараюсь это сбалансировать.

МУЖЧИНА. А без нее никак нельзя?

РЕЖИССЕР. Я же сказал - никак. Да и поздно.

МУЖЧИНА. Но хотя бы показывайте ее поменьше. Или снимайте так, чтобы она казалась еще большей дурой, если только это возможно. Вы же это умеете. А то и вообще оставьте за кадром.

РЕЖИССЕР. Занимайтесь лучше своим делом, а мою работу предоставьте мне.

Возвращается Женщина. Она несколько протрезвела и даже успела переодеться в более скромный костюм.

МУЖЧИНА. (*Жизнерадостно.*) А вот и наша красавица вернулась! А мы тебя тут ждем – не дождемся.

ЖЕНЩИНА. Я знаю. Потому и торопилась.

РЕЖИССЕР. (*Вполголоса, Мужчине.*) А вы, оказывается, не такой плохой актер.

МУЖЧИНА. (*Жизнерадостно.*) Ну, давайте все втроем и продолжим дружно нашу работу.

ЖЕНЩИНА. (*Мужчине.*) Вас просит выйти консультантка. Она хочет с вами поговорить.

РЕЖИССЕР. Подождет. Нам не до разговоров. Займемся делом.

МУЖЧИНА. (*Поспешно.*) Нет-нет, я пойду... Это не надолго. (*Выходит.*)

ЖЕНЩИНА. Вы обратили внимание? Он побежал к ней, как послушная собачонка. (*Презрительно.*) «Премьер» называется.

РЕЖИССЕР. Действительно, почему вы оба так безропотно сгибаетесь перед какой-то ассистенткой?

ЖЕНЩИНА. А вы не догадываетесь?

РЕЖИССЕР. Я об этом и не задумывался.

ЖЕНЩИНА. Я вам советую не задумываться и дальше.

РЕЖИССЕР. И не собираюсь. Ладно, давайте-ка повторим ваш монолог.

ЖЕНЩИНА. Хорошо. Хотя, признаться, я порядком устала. На чем мы остановились?

РЕЖИССЕР. По-моему, мы еще не начали.

Женщина собирается что-то сказать, но не произносит ни слова.

Что? Все еще не знаете роли? (*Подсказывает.*) «Дорогой друг!»

ЖЕНЩИНА. «Дорогой друг!» (*Меняя тон, оглядывается и понижает голос.*) Дорогой друг, пока никого нет, я хотела бы с вами поговорить.

РЕЖИССЕР. (*С недоумением.*) О чем?

ЖЕНЩИНА. Во-первых, хоть я и блондинка, но не такая дура, как вы думаете.

РЕЖИССЕР. Допустим.

ЖЕНЩИНА. Вы не верите?

РЕЖИССЕР. Я верю.

ЖЕНЩИНА. Если бы я не прикидывалась душой, меня бы не взяли в правительство. Умную они бы не взяли. Боятся конкуренции.

РЕЖИССЕР. Это всё, что вы хотели мне сказать?

ЖЕНЩИНА. Нет.

РЕЖИССЕР. Что еще?

ЖЕНЩИНА. Вот, когда вы репетировали с премьером, вы сказали, что на церемонии все камеры будут направлены на него.

РЕЖИССЕР. Ну?

ЖЕНЩИНА. Почему на него, а не на меня?

РЕЖИССЕР. А почему на вас, а не на него?

ЖЕНЩИНА. Потому что я женщина.

РЕЖИССЕР. А он премьер.

ЖЕНЩИНА. Я думала, что в ответ вы скажете, что он мужчина. Так поверьте, он не мужчина.

РЕЖИССЕР. Но мы будем снимать его не как мужчину, а как премьер-министра.

ЖЕНЩИНА. Да какой он премьер?

РЕЖИССЕР. А кто же он?

ЖЕНЩИНА. Кукла, марионетка, зиц-председатель, пустое место. Посажен только для виду, для представительства, для телевизора. А всю работу за него делают три его заместителя.

РЕЖИССЕР. Для завтрашнего шоу это не имеет никакого значения. Важнее его благородная седина и бархатный баритон. И лишить его слова я не вправе.

ЖЕНЩИНА. А нельзя ли сделать так, чтобы по телевизору транслировалась только моя речь?

РЕЖИССЕР. А что делать с его выступлением?

ЖЕНЩИНА. Заглушить.

РЕЖИССЕР. Заглушить? Каким образом?

ЖЕНЩИНА. Ну, например, во время его речи организовать пролет над площадью эскадрильи тяжелых бомбардировщиков.

РЕЖИССЕР. Идея смелая, но она не кажется мне удачной.

ЖЕНЩИНА. И все-таки я вас прошу: направьте все камеры только на меня.

РЕЖИССЕР. Зачем вам это нужно?

ЖЕНЩИНА. Потому что я сама хочу быть премьером.

РЕЖИССЕР. Вы?!

ЖЕНЩИНА. А почему нет?

РЕЖИССЕР. Мм... Вы женщина – вам труднее будет справиться.

ЖЕНЩИНА. Даже в отсталых странах, например, в Англии или Индии, женщины уже давно возглавляли правительства. А чем я хуже?

РЕЖИССЕР. Вы считаете, что будете работать лучше, чем он?

ЖЕНЩИНА. А зачем работать? Ведь у меня будут те же три заместителя.

РЕЖИССЕР. Но ведь вы не справлялись даже с культурой.

ЖЕНЩИНА. Кто вам сказал, что не справлялась? Еще как справлялась. Это было очень просто, меня научили: говорить о важности культуры побольше, а денег на нее давать поменьше. Вот и всё. А этот, с позволения сказать, премьер, даже и говорить не умеет. Знаете, почему я согласилась, чтобы он меня изнасиловал?

РЕЖИССЕР. Догадываюсь.

ЖЕНЩИНА. Нет, не догадываетесь. Во-первых, у него все равно бы не получилось.

РЕЖИССЕР. Откуда вы знаете?

ЖЕНЩИНА. (*Многозначительно.*) Знаю. Во-вторых, он сразу после этого потерял бы свой

пост, а мой рейтинг, наоборот, сразу бы возрос. И тогда... Кто знает?..

РЕЖИССЕР. Вас бы сделали премьером?

ЖЕНЩИНА. Ну, может, не сразу... Сначала вице-премьером... Но это был бы шаг вперед.

Ну как, договорились?

РЕЖИССЕР. О чем?

ЖЕНЩИНА. Что вы делаете мне паблисити.

РЕЖИССЕР. Мы ни о чем не договаривались.

ЖЕНЩИНА. Напрасно отказываетесь. Я понимаю, в наше время ничто не делается просто так. Помогите мне, а я помогу вам.

РЕЖИССЕР. Чем вы можете мне помочь? Вот если бы вы руководили культурой, глядишь, вы могли бы еще мне что-то дать...

ЖЕНЩИНА. Вы считаете, что ваши дурацкие шоу для корпоративов имеют какое-то отношение к культуре?

РЕЖИССЕР. Имеют или не имеют, а что можно поиметь с сельского хозяйства?

ЖЕНЩИНА. А что можно поиметь с культуры? Это же самое бедное министерство.

РЕЖИССЕР. Ну, например, какой-нибудь театр.

ЖЕНЩИНА. Вы же массовик, зачем вам театр? Лучше я пришлю вам табун лошадей.

РЕЖИССЕР. Куда я их дену?

ЖЕНЩИНА. Напрасно отказываетесь. Хорошие скаковые лошади – это хорошие деньги. А не хотите, подарю целую деревню. Вместе с крестьянами.

РЕЖИССЕР. Что мне с ними делать?

ЖЕНЩИНА. Станете помещиком. Умные люди так и делают. Это не хуже, чем быть капиталистом.

РЕЖИССЕР. Беседа с вами существенно расширяет мои понятия о морали.

ЖЕНЩИНА. Если вы думаете, что в политике можно достичь тех высот, что достигла я, и при этом сохранить моральную девственность, то вы ничего не понимаете в жизни. Между публичным лицом и публичной женщиной не такая уж большая разница.

РЕЖИССЕР. Вы обижаете публичных женщин.

ЖЕНЩИНА. Может быть, вы считаете, что я не справлюсь завтра с ролью?

(Многозначительно.) Так я согласна порепетировать с вами отдельно.

РЕЖИССЕР. У нас уже нет на это времени.

ЖЕНЩИНА. Почему нет? *(Интимно.)* У нас впереди целая ночь.

РЕЖИССЕР. Даже так?

ЖЕНЩИНА. Долгая-долгая ночь. А деревня и лошади – отдельно.

РЕЖИССЕР. Конечно, мне лестно поработать ночью с будущим премьер-министром, но честно говоря, немного боязно. Таких высот я еще не покорял. И, кроме того, всю ночь я должен репетировать церемонию на площади.

ЖЕНЩИНА. Я вам не нравлюсь?

РЕЖИССЕР. Мужчина не может ответить женщине на этот вопрос отрицательно.

ЖЕНЩИНА. Так в чем же дело? Ведь я – ваша актриса.

РЕЖИССЕР. И что?

ЖЕНЩИНА. Я слышала, что режиссеры всегда спят со всеми актрисами.

РЕЖИССЕР. Не верьте сплетням завистливых женщин.

ЖЕНЩИНА. Но все считают, что это так.

РЕЖИССЕР. Это обычная клевета на театр, расхожее мещанское представление о священном мире искусства. Во-первых, не всегда и, во-вторых, не со всеми. На самом деле мы часто спим не только с актрисами, но и с обыкновенными женщинами, так сказать, из публики.

Входит Консультантка.

ЖЕНЩИНА. *(Шепотом.)* Договорим потом.

КОНСУЛЬТАНТКА. *(Женщине.)* Дорогая, вы не хотите побыть некоторое время в обществе нашего уважаемого премьера?

ЖЕНЩИНА. *(Послушно.)* Конечно. *(Выходит.)*

РЕЖИССЕР. Кто дал вам право прерывать репетицию и вообще здесь распоряжаться? Если это еще раз повторится, я вас выгоню. Зачем вы ее отослали?

КОНСУЛЬТАНТКА. Не сердитесь, я вовсе не распоряжаюсь. Просто я хотела побыть с вами несколько минут наедине. Надеюсь, вы не будете против?

РЕЖИССЕР. *(Бросив на нее оценивающий мужской взгляд.)* Это зависит от того, как вы поведете себя дальше.

КОНСУЛЬТАНТКА. Я готова к любым вариантам.

РЕЖИССЕР. У вас есть конкретные предложения?

КОНСУЛЬТАНТКА. Предложения должны исходить от мужчины.

РЕЖИССЕР. Скажем, послезавтра вечером?

КОНСУЛЬТАНТКА. Когда женщина изъявляет готовность, не следует откладывать дело надолго. Она может передумать.

РЕЖИССЕР. Тогда я прямо сейчас объявлю перерыв, и у нас с вами будет полчаса.

КОНСУЛЬТАНТКА. На полчаса не стоит. В таких делах я не люблю торопиться.

РЕЖИССЕР. Ну, хорошо, на час. Хотя, по правде говоря, времени у меня мало. До представления осталось всего ничего, а дел еще выше головы. Но час я могу выделить.

КОНСУЛЬТАНТКА. Я же сказала, не стоит. Я уже передумала.

РЕЖИССЕР. *(Пытается ее обнять.)* Ты меня дразнишь, что ли?

КОНСУЛЬТАНТКА. Давайте без «ты» и без рук.

РЕЖИССЕР. Но вы же сами сказали, что готовы...

КОНСУЛЬТАНТКА. Я просто пошутила. Или испытывала. Хотела посмотреть, насколько легко вас можно отвлечь от работы, притом очень важной работы.

РЕЖИССЕР. Я не люблю подобных шуток.

КОНСУЛЬТАНТКА. Тогда давайте поговорим серьезно.

РЕЖИССЕР. Мне не о чем и незачем говорить с вами. Я занят, у меня репетиция.

КОНСУЛЬТАНТКА. Вы же обещали выделить мне целый час.

РЕЖИССЕР. Не для разговоров.

КОНСУЛЬТАНТКА. Перестаньте изображать обиженного льва. Давайте лучше выпьем коньячку.

РЕЖИССЕР. *(Обрадованно.)* А у вас есть?

КОНСУЛЬТАНТКА. Разумеется. Я же конфисковала эту бутылку, помните? Вы третий день готовите грандиозное шоу, устали... Надо снять напряжение. Да и поесть вам, наверное, было некогда. *(Ставит на стол закуски, бутылку, рюмки и разливает коньяк.)*

РЕЖИССЕР. Немножко расслабиться, действительно, не мешает.

КОНСУЛЬТАНТКА. *(Поднимая рюмку.)* Ну? За успех дела?

РЕЖИССЕР. За успех! *(Пьет и с аппетитом принимается за еду.)*

КОНСУЛЬТАНТКА. Вы специализируетесь только на массовых зрелищах или ставите спектакли и в театрах?

РЕЖИССЕР. И в театрах тоже. Но редко.

КОНСУЛЬТАНТКА. Что-нибудь современное?

РЕЖИССЕР. Нет, только классику.

КОНСУЛЬТАНТКА. Почему? Вы ее очень любите?

РЕЖИССЕР. Нет, не очень. Но есть другие причины. Например, когда ставишь классику, критики не смогут упрекнуть тебя за плохой выбор пьесы. С автором не надо

- заключать договор и платить ему деньги. Он не путается под ногами, не дает советов и не лезет со своими замечаниями. Я могу делать с его пьесой, что хочу: сокращать, добавлять, переписывать, и он никогда не пожалуется. Теперь понятно?
- КОНСУЛЬТАНТКА. И много классиков вы изнасиловали?
- РЕЖИССЕР. Не очень. Я в жизни прочитал всего четыре пьесы. Их и ставлю.
- КОНСУЛЬТАНТКА. И вам не надоело ставить одно и то же?
- РЕЖИССЕР. Нисколько. Пьесы нужны нам только для того, чтобы проявить свою творческую индивидуальность. Слова для нас не важны. Мы, режиссеры, ставим не драматурга, а выражаем самих себя.
- КОНСУЛЬТАНТКА. Понятно: самому себе вы надоесть не можете.
- РЕЖИССЕР. Совершенно верно.
- КОНСУЛЬТАНТКА. Себе, быть может, и нет, а публике?
- РЕЖИССЕР. Публика меня не интересуется.
- КОНСУЛЬТАНТКА. И вам никогда не хотелось сыграть что-то новое?
- РЕЖИССЕР. Новое – это я сам.
- КОНСУЛЬТАНТКА. А вот я как раз хотела с вами поговорить о важности слов и роли автора в нашем представлении.
- РЕЖИССЕР. Тут не о чем говорить. Я ставлю зрелище, а не чтение наизусть текстов, которые, к тому же, моим исполнителям не осилить. Вы же сами видели.
- КОНСУЛЬТАНТКА. Отнеситесь к ним терпимей. Они политики, а политики привыкли читать речи только по бумажке, и речи эти пишут за них референты. Вот почему им трудно что-то запомнить.
- РЕЖИССЕР. Не могут запомнить - и не надо. Пусть говорят, что взбредет в голову.
- КОНСУЛЬТАНТКА. В нашем случае это недопустимо.
- РЕЖИССЕР. Кто вы, собственно, такая, чтобы давать мне советы?
- КОНСУЛЬТАНТКА. Считайте, что я представитель заказчика и автора.
- РЕЖИССЕР. Автор зрелища – я и только я. Я же сказал, что современный театр не церемонится с текстами. Они сковывают полет режиссерской фантазии.
- КОНСУЛЬТАНТКА. Но здесь не совсем театр. Мы репетируем реальное событие.
- РЕЖИССЕР. Церемония, показанная по телевизору, – это уже не реальность, а шоу. Это реальность, которая заранее подготовлена и которая подверглась трактовке и режиссуре. На что-то мы направим камеры, а на что-то нет, где-то дадим текст, а где-то заменим его музыкой или голосом комментатора, что-то дадим крупным планом, а что-то не покажем совсем. Это и называется спектаклем, и у него есть режиссер. И этот режиссер – я. Прошу это запомнить и не докучать мне более претензиями и советами.
- КОНСУЛЬТАНТКА. Я запомню. Что ж, продолжайте творить вольным стилем, никто не будет ограничивать ваше вдохновение. *(И, после короткого молчания, добавляет.)* Но не удивляйтесь, если вам тогда не заплатят.
- РЕЖИССЕР. *(Уязвленный.)* То есть как «не заплатят»? Ведь есть письменный договор!
- КОНСУЛЬТАНТКА. *(Бесстрастно, тоном юриста.)* Разумеется. И там есть пункт, который обязывает вас, как и требует закон, соблюдать авторские права. В том числе и право на неприкосновенность произведения.
- РЕЖИССЕР. Этот пункт никто никогда не соблюдает.
- КОНСУЛЬТАНТКА. *(Игнорируя возражение собеседника.)* И в случае нарушения этого условия вам не только не выплатят гонорар, но и предъявят иск за причинение автору морального вреда.
- РЕЖИССЕР. Интересно, кто это такой обидчивый автор.
- КОНСУЛЬТАНТКА. *(Очень холодно.)* Только что вы сказали, что автор вас не интересуется. Пусть так будет и впредь. Но одно я вам настойчиво советую: перевирайте, сколько

- угодно, Шекспира или там Чехова, но тексты этого автора вы должны уважать.
- РЕЖИССЕР. (*Он потерял изрядную долю своей самоуверенности.*) Ну, хорошо... Я постараюсь добиться, что все слова роли были произнесены.
- КОНСУЛЬТАНТКА. Вот и прекрасно.
- РЕЖИССЕР. Кстати, когда мне заплатят?
- КОНСУЛЬТАНТКА. Сразу же после завершения шоу, но только при соблюдении договора. Впрочем, об оплате и прочих подробностях поговорите с премьер-министром. Мне некогда вникать во все мелкие детали.
- РЕЖИССЕР. Для меня эти детали не мелкие, а весьма существенные.
- КОНСУЛЬТАНТКА. (*Чуть презрительно.*) Ну что вы беспокоитесь о такой ерунде, как обещанные вам несколько миллионов? Создайте хорошее шоу, и мы сделаем для вас всё, что хотите: наградим орденом, присвоим звание... Можем дать и театр по вашему выбору: пожалуйста, проявляйте там свою индивидуальность, разваливайте его на здоровье. Потом, когда развалите, дадим вам на растерзание еще один театр – не жалко. Закажем и новые зрелища - они нам нужны. Но всё это при условии, что вы будете делать то, что вам рекомендуют.
- РЕЖИССЕР. Да, но свобода творчества...
- КОНСУЛЬТАНТКА. На нее мы не покушаемся. Но не вы ли сегодня произносили перед актерами речи о необходимости и благотворности дисциплины?
- РЕЖИССЕР. Да, но то для актеров...
- КОНСУЛЬТАНТКА. А мы с вами кто? Ведь написал же ваш Шекспир, что весь мир - театр, и люди в нем актеры. А раз так, то над каждым из нас всегда есть режиссер, которому мы вынуждены подчиняться. Как сказал Спиноза, свобода – это осознанная необходимость. (*Покровительственно.*) И чем скорее вы эту необходимость осознаете, дорогой мой, тем будет лучше и для вас, и для нас.
- РЕЖИССЕР. Это немножко похоже на насилие.
- КОНСУЛЬТАНТКА. Насилия можно легко избежать.
- РЕЖИССЕР. Вы знаете, как?
- КОНСУЛЬТАНТКА. Это знает каждая женщина. Просто надо своевременно отдаться самой. Итак, мы договорились или не договорились?
- РЕЖИССЕР. (*Нехотя.*) Договорились.
- КОНСУЛЬТАНТКА. Вот и прекрасно. Еще по рюмочке?
- РЕЖИССЕР. Можно.
- КОНСУЛЬТАНТКА. Теперь, когда мы поняли друг друга, будет легче условиться и об остальном. Я заметила, что вас, как и многих режиссеров, больше интересует форма спектакля, чем его смысл. Вы озабочены вопросом «как?», но вас не интересует «что?» и «зачем?»
- РЕЖИССЕР. Что значит «зачем»? Лишь бы шоу было красивым и эффектным, остальное неважно. Главное - количество зрителей и откликов, короче говоря, рейтинг.
- КОНСУЛЬТАНТКА. Нам тоже важен рейтинг, но рейтинг не передачи, а заказчика. Успех зрелища и, соответственно, размер гонорара будет оцениваться именно по этому показателю. И если рейтинг руководства после завтрашнего шоу, не дай бог, снизится....
- РЕЖИССЕР. То снизится и гонорар?
- КОНСУЛЬТАНТКА. То его вообще не будет.
- РЕЖИССЕР. Я начинаю жалеть, что ввязался в ваше странное предприятие.
- КОНСУЛЬТАНТКА. Что в нем странного?
- РЕЖИССЕР. Хотя бы то, что мне дали задание готовить публичные похороны с большим размахом и в то же время потребовали, чтобы подготовка сохранялась в секрете.
- КОНСУЛЬТАНТКА. Раньше по разным причинам мы не могли вам всего сказать. Но теперь

наступает решающий момент. Некоторые подробности вам следует знать, чтобы держать зрелище под контролем.

РЕЖИССЕР. Тогда скажите, почему нужна такая тайна?

КОНСУЛЬТАНТКА. Нам надо было выиграть время.

РЕЖИССЕР. Зачем?

КОНСУЛЬТАНТКА. Чтобы мы успели подготовиться, а они – нет.

РЕЖИССЕР. Кто «они»?

КОНСУЛЬТАНТКА. Они – это не мы.

РЕЖИССЕР. Допустим. А кто мешает этим «не вам» тоже подготовиться?

КОНСУЛЬТАНТКА. Вот в этом и состоит вся суть игры.

РЕЖИССЕР. Я ничего не понимаю. Кого все-таки мы хороним?

КОНСУЛЬТАНТКА. Скажем так: одного не удобного нам человека. (*Шепчет имя на ухо Режиссеру.*)

РЕЖИССЕР. (*Удивленно.*) Разве он умер? Он, кажется, еще совсем молодой.

КОНСУЛЬТАНТКА. (*Неопределенно.*) Все под богом ходим.

РЕЖИССЕР. Одного я не понимаю: он ведь вам сильно досаждал. Все время грозил какими-то разоблачениями... Особенно в адрес премьера...

КОНСУЛЬТАНТКА. И не только. Так что из этого?

РЕЖИССЕР. Зачем же тогда вы заказываете ему столь дорогие и пышные похороны? Пусть его друзья его и хоронят.

КОНСУЛЬТАНТКА. Сейчас они нас критикуют. Но если мы с почетом проводим их героя и будем сами его хвалить, им не за что будет к нам прицепиться. Вот почему на церемонии слова должны прозвучать точно так, как написаны. Политика – это театр, в котором нельзя ошибаться. Иначе тебя снимают с роли.

РЕЖИССЕР. Вот оно что...

КОНСУЛЬТАНТКА. Теперь вы поняли? Они любили своего лидера, а мы, оказывается, любим его еще больше. Получается, что они с нами как бы заодно, и им останется только умолкнуть. А если даже они и устроят какую-нибудь свою отдельную церемонию, то все будут смотреть ваше красивое зрелище, а не их убогий митинг.

РЕЖИССЕР. Ясно.

КОНСУЛЬТАНТКА. Кстати, нам нежелательно, чтобы на похороны пришло слишком много не известных нам людей. Могут быть беспорядки. Вы не посоветуете, как этих людей нейтрализовать?

РЕЖИССЕР. Очень просто. Объявите, что в связи с огромным наплывом народа центр столицы перекрывается для движения транспорта. Поставьте ограждения, наряды полиции и сил безопасности. Не пускайте к месту похорон без пропусков не только транспорт, но и вообще никого.

КОНСУЛЬТАНТКА. Неплохая идея.

РЕЖИССЕР. Вполне тривиальная. Мы часто так делаем при проведении массовых зрелищ.

КОНСУЛЬТАНТКА. Но, с другой стороны, нам нужно создать впечатление, что в прощании принимает участие огромное количество людей и что они нас поддерживают.

РЕЖИССЕР. То есть никого не пропускать, но чтобы толпы были. Понятно. Не в первый раз. Это я организую. Дайте мне дивизию солдат в штатском, и я сниму камерами их проход мимо гроба четырнадцать раз.

КОНСУЛЬТАНТКА. (*Доставая телефон.*) Мне надо срочно распорядиться.

РЕЖИССЕР. Я думал, вы давно это сделали.

КОНСУЛЬТАНТКА. Я смотрю, вы недаром имеете высокую репутацию.

РЕЖИССЕР. Потому и платят высокие гонорары.

КОНСУЛЬТАНТКА. Этот намек я уже слышала. Повторяю: все детали – с премьер-министром. Не будем терять времени. Займемся каждый своим делом (*Выходит.*)

Режиссер, оставшись один, звонит по мобильному телефону.

РЕЖИССЕР. *(В трубку.)* Как дела?.. Ты же знаешь, по сценарию у нас 70 делегаций, значит нужно 70 венков, с лентами и всё, как положено. Кстати, делегациям уже заплатили? Скажи, что заплатим немедленно после похорон. И не забудь сказать этой шпане, чтобы являлись прилично одетыми, а не в джинсах и подобном тряпье. И постарайся достать тысячу воздушных шариков. Пустим их вверх как символ вознесения души в небесные сферы... Нет, не черных, белых. Траур – черный, а душу лучше оформить белым цветом... Надо успеть. У нас впереди еще ночь и полдня. Спать будем после.

Входит Женщина. Режиссер отключает телефон.

ЖЕНЩИНА. Мне сказано, что надо продолжать репетицию.

РЕЖИССЕР. Давно пора. А где второй?

ЖЕНЩИНА. Получает от нее инструкции. Сейчас подойдет.

РЕЖИССЕР. Слова подучили?

ЖЕНЩИНА. Немножко. Хотите послушать?

РЕЖИССЕР. Минутку. *(Оглядывается и понижает голос.)* Скажите, а эта моя помощница... или кто она там... Что у нее за должность?

ЖЕНЩИНА. Вы считаете, что она *ваши* помощница?

РЕЖИССЕР. Не знаю. Так она сказала. Во всяком случае, в театре она немного разбирается.

ЖЕНЩИНА. Вполне возможно. Кажется, где-то играла на вторых ролях. Зато здесь стала играть первые.

РЕЖИССЕР. Чем же объяснить такой взлет? У нее, вероятно, есть какие-то особые достоинства?

КОНСУЛЬТАНТКА. Разумеется. Те достоинства, которые особенно ценят мужчины.

РЕЖИССЕР. И какой же мужчина их оценил?

КОНСУЛЬТАНТКА. Сначала один, потом другой... И так далее. Все выше, и выше, и выше.

РЕЖИССЕР. Во всяком случае, она не дура.

ЖЕНЩИНА. Этого, к сожалению, у нее не отнять.

РЕЖИССЕР. И очень элегантно одевается.

ЖЕНЩИНА. И еще элегантней раздевается.

РЕЖИССЕР. Вы просто ей завидуете.

ЖЕНЩИНА. Не спорю.

РЕЖИССЕР. Какой же все-таки у нее официальный пост?

ЖЕНЩИНА. Кто ее знает?.. Референт, консультант, сотрудник, помощник, советник... Другими словами, очень близкий человек к определенному лицу. Вы меня поняли – **ОЧЕНЬ** близкий.

РЕЖИССЕР. А конкретно?

ЖЕНЩИНА. Вам сказать расстояние в сантиметрах? *(С грустью.)* Раньше была я... ну, это..., а теперь вот она *(выразительно разводит руками)*. Понимаете?

РЕЖИССЕР. Понимаю. А вы не пытались ее скинуть?

ЖЕНЩИНА. *(Боязливо оглядывается. Вполголоса.)* Легко сказать – «скинуть»! Думаете, не пробовали? Но за ней стоит такая сила... И, кроме того, у нее на всех есть компромат.

РЕЖИССЕР. И на вас тоже?

ЖЕНЩИНА. Кто не без греха?

РЕЖИССЕР. И какой грех у вас?

ЖЕНЩИНА. Так, пустяки... Подумаешь, небольшой домик на пляже...

РЕЖИССЕР. А где пляж?

ЖЕНЩИНА. В Коста-Рике.

РЕЖИССЕР. И из-за какого-то домика вы перед ней трясетесь? Домик-то большой? Сколько квадратных метров?

ЖЕНЩИНА. Не помню точно. Сорок восемь или сорок девять комнат. А вокруг домика небольшой типа садик... Гектара на три. Или на четыре.

РЕЖИССЕР. Я понимаю. Разводить бананы. Вы ведь министр сельского хозяйства.

ЖЕНЩИНА. Я это еще раньше купила, когда в культуре была.

РЕЖИССЕР. Вы ведь говорили, что культура – это самое бедное министерство.

ЖЕНЩИНА. Это верно, но на садик хватило.

РЕЖИССЕР. Скажите, зачем вам такие хоромы, да еще черт знает где? Ведь вам и здесь живется неплохо.

ЖЕНЩИНА. Вы ничего не понимаете. У нас у всех такое ощущение, что завтра всё рухнет, и надо будет куда-то бежать. Вот и приходится копать себе норку как можно дальше отсюда.

РЕЖИССЕР. А почему бы вам не попытаться найти на эту даму ответный компромат?

ЖЕНЩИНА. (*Боязливо оглядывается.*) Давайте лучше репетировать. Я и так сказала слишком много. Позвать премьера?

РЕЖИССЕР. А зачем он вам?

ЖЕНЩИНА. Мы ведь должны репетировать с ним сцену насилия. Вы же сами говорили.

РЕЖИССЕР. Насилие отменяется.

ЖЕНЩИНА. Жаль. Я уже была почти готова.

РЕЖИССЕР. Если вы об этом жалеете, я могу изнасиловать вас после репетиции. Только напомните, пожалуйста. У меня куча дел, могу забыть. А пока произносите свою речь.

ЖЕНЩИНА. Опять речь! Неужели вам не надоело?

РЕЖИССЕР. Это моя работа.

ЖЕНЩИНА. А мне надоело до смерти. Стараемся, мучаемся, а зачем нас заставляют ломать эту комедию, непонятно. Похороны-то, может, вообще не состоятся.

РЕЖИССЕР. (*Встревоженно.*) Как это не состоится? С чего вы решили?

ЖЕНЩИНА. А кого хоронить? Ведь покойник-то не умер!

РЕЖИССЕР. Что значит «не умер»?

ЖЕНЩИНА. А то и значит. Разве она вам не сказала? (*Увидев удивленное лицо потрясенного Режиссера, спохватывается.*) Ой, кажется, я опять не то ляпнула. Всё проклятая вечеринка...

РЕЖИССЕР. Постойте-постойте. Что вы имели в виду, когда сказали «покойник не умер»?

ЖЕНЩИНА. Ничего. Давайте лучше репетировать. (*С пафосом.*) «Дорогой друг!»

РЕЖИССЕР. К черту дорогого друга! Кто не умер?

ЖЕНЩИНА. Я ничего не знаю. (*Увидев входящего Мужчину.*) Вот, спросите лучше его.

РЕЖИССЕР. (*Набрасывается на Мужчину.*) Скажите: правда, что он не умер?

МУЖЧИНА. Кто?

РЕЖИССЕР. «Кто, кто»... Покойник!

МУЖЧИНА. (*С ненавистью глядя на Женщину.*) Что, уже разболтала? Говорил же, что нельзя тебя привлекать, так нет: им, видишь ли, захотелось женщину. Вот и получили на свою голову.

ЖЕНЩИНА. (*Виновато.*) Я думала, он знает.

МУЖЧИНА. Ты, как всегда, говоришь быстрее, чем думаешь. Пора бы уже перестать быть такой... непосредственной.

РЕЖИССЕР. Постойте... Я ничего не понимаю. Он, правда, не умер?

МУЖЧИНА. Ну... С одной стороны... Хотя, с другой... Одним словом, трудно сказать...

РЕЖИССЕР. Перестаньте темнить! Скажите ясно - он умер или не умер?

МУЖЧИНА. Что вы ко мне пристали? Не умер.

РЕЖИССЕР. Как так?

МУЖЧИНА. Вот так. Не умер - и всё. Живее всех живых. Выступает сейчас по телевизору.

РЕЖИССЕР. А как же мое шоу? Не состоится? Выходит, я готовил сценарий, мобилизовал

людей, технику, материалы, составил список на двести сорок журналистов - и не о чем будет писать?

МУЖЧИНА. Всё как-нибудь образуется.

РЕЖИССЕР. *(Пронзенный еще более страшной мыслью.)* А как же мой гонорар?!

МУЖЧИНА. Не знаю. Давайте репетировать.

РЕЖИССЕР. Зачем, если шоу не состоится?

МУЖЧИНА. И все-таки нам велели продолжать.

РЕЖИССЕР. *(Решительно.)* Прежде чем продолжать, я хотел бы знать, когда мне заплатят.

МУЖЧИНА. Как договорились. После похорон.

РЕЖИССЕР. После чьих – моих или его? Он на десять лет моложе меня. Или, может, после ваших?

МУЖЧИНА. Я же сказал – сразу после.

РЕЖИССЕР. «Сразу после» не бывает. Или сразу, или после. Я хочу сразу.

МУЖЧИНА. Но мы же договорились - после.

РЕЖИССЕР. Мы ни о чем не договаривались. Это вы сказали «после», а я вам ответил «до».

Я требую заплатить немедленно. Прямо сейчас.

МУЖЧИНА. Вы мне не доверяете?

РЕЖИССЕР. Конечно, не доверяю. А кто вам вообще доверяет? Тем более он еще и не умер, и неизвестно вообще, умрет ли.

ЖЕНЩИНА. Как он может не умереть, если похороны уже назначены? Обязательно умрет. Вы не верите?

РЕЖИССЕР. Верю. Все мы там будем. Когда-нибудь. Но деньги я хочу получить сейчас. И полностью. Ждать мне некогда, послезавтра я вылетаю в Республику Конго на постановку инаугурации тамошнего президента. В отличие от вас, африканцы заплатили мне вперед. Они уважают специалистов.

МУЖЧИНА. А я вам говорю – не торопитесь и не кипятитесь. Он умрет.

РЕЖИССЕР. Я знаю. Вопрос в том, когда.

МУЖЧИНА. В третий вечер после полнолуния, когда Юпитер войдет в созвездие Козерога. То есть скоро.

РЕЖИССЕР. Это еще что за галиматья?

МУЖЧИНА. Так предсказали астрологи.

РЕЖИССЕР. Очень хорошо. Тогда я начну репетировать, когда Стрелец войдет в созвездие Девы. Слово «созвездие» я употребил иносказательно из уважения к присутствующей здесь даме.

МУЖЧИНА. Я прошу вас – не поднимайте шум.

РЕЖИССЕР. Деньги на бочку.

МУЖЧИНА. Консультантка вам все объяснит.

РЕЖИССЕР. Она сказала, что о деньгах я должен говорить с вами.

Входит Консультантка.

КОНСУЛЬТАНТКА. О чем спор?

Пауза.

МУЖЧИНА. Режиссер отказывается продолжать репетицию.

КОНСУЛЬТАНТКА. Он просто шутит. *(В упор глядя на Режиссера.)* Не правда ли?

РЕЖИССЕР. Оказывается, он не умер!

КОНСУЛЬТАНТКА. *(Холодно.)* А вам какое до этого дело?

РЕЖИССЕР. *(Резко сбавив тон.)* Речь, собственно, идет о деньгах...

КОНСУЛЬТАНТКА. И вам не стыдно торговаться из-за такой безделицы? Мелочь, которую вы просите, я ношу у себя в сумке на карманные расходы. *(Жестко.)* Делайте свою

работу.

РЕЖИССЕР. Да, но они говорят...

КОНСУЛЬТАНТКА. Не знаю, что говорят они, а я вам говорю – продолжайте репетировать.

Мы и так уже полтора часа переливаем из пустого в порожнее. (*Вполголоса, жестко.*)

Вы, видимо, очень плохо представляете себе, с кем и для кого вы работаете. Здесь не место для гонора и капризов. Репетируйте, а остальное - не ваша забота.

РЕЖИССЕР. (*Осознав, что у него нет выбора.*) Хорошо.

КОНСУЛЬТАНТКА. И не забывайте о верности тексту и прочим наших условиях.

РЕЖИССЕР. Я помню.

КОНСУЛЬТАНТКА. А я пока посижу здесь, послушаю и посмотрю.

РЕЖИССЕР. (*С трудом скрывая досаду.*) Приступаем к репетиции. Чья там очередь?

МУЖЧИНА. Я уступаю даме.

РЕЖИССЕР. Даме так даме. Начинайте.

ЖЕНЩИНА. (*Поглядывая в бумажку.*) «Дорогой друг! Какое это страшное слово!»

РЕЖИССЕР. Стоп. Почему «друг» - это страшное слово?

ЖЕНЩИНА. Извините, я пропустила строчку. (*Начинает снова.*) «Дорогой друг! Сколько раз мы говорили друг другу «до свидания», и вот сегодня приходится говорить тебе «прощай». «Прощай» - какое это страшное слово!»

РЕЖИССЕР. Меньше патетики, больше искренности! Вы действительно в недоумении: как это вдруг «прощай»?

ЖЕНЩИНА. (*Очень трогательно.*) «Прощай»... Какое это страшное слово! Я не верю этому, и никогда не поверю. Это невозможно! Мысленно я никогда не расстанусь с тобой». (*Меняя тон.*) А его жена после этой речи мне глаза не выцарапает? Она подумает, что я его любовница, а я с ним в жизни и двух слов не сказала.

РЕЖИССЕР. Какое вам дело, что подумает жена? Вы адресуетесь не к ней, а к миллионам. Ведь всем государственным телеканалам будет спущено указание дать в эфир эту передачу. И, разумеется, независимым каналам тоже.

ЖЕНЩИНА. Здорово! Надо успеть сходить к парикмахеру.

РЕЖИССЕР. Не делайте ничего сами. Вас приготовит к выступлению наш гример. Начните еще раз.

ЖЕНЩИНА. «Дорогой друг!»

РЕЖИССЕР. Подождите. Вы ничего не чувствуете, и потому не можете найти правильный тон.

ЖЕНЩИНА. А что я должна чувствовать?

РЕЖИССЕР. Не знаете? Хорошо, я попытаюсь вам помочь. Вам обоим надо ясно представить себе, при каких обстоятельствах вам придется произносить речи. Тогда вы поймете торжественность и праздничность ситуации, и слова сами найдут нужную интонацию. Поверьте, это будет очень красиво. Одно удовольствие будет на всё это смотреть. С таким размахом никто еще не ставил. Мои конкуренты умрут от зависти. (*Постепенно воодушевляясь.*) Строгие костюмы приглашенных, блестящие мундиры музыкантов военного оркестра, делегации и венки от общественных организаций, траурные марши, Шопен, Бетховен, Чайковский, приспущенные шелковые флаги, трепещущие на ветру... Склоненные знамена, герб, гроб, грохот прощального салюта... Парад истребителей над площадью, ордена на бархатных подушках...

МУЖЧИНА. У него, кажется, не было орденов.

РЕЖИССЕР. Это неважно. Мы сделаем.

МУЖЧИНА. А где будет отпевание?

РЕЖИССЕР. Отпевания не будет. Во-первых, не укладываемся в смету, они дорого берут, во-вторых, мне сказали, что он был атеистом и, в отличие от вас, никогда не прикидывался верующим.

ЖЕНЩИНА. А где будем находиться мы?

РЕЖИССЕР. В центре площади и в центре внимания, возле самого гроба, а гроб, весь в цветах, будет стоять на орудийном лафете, запряженном шестеркой черных лошадей... *(Вздыхает.)* Неужели он не умрет, и это прекрасное зрелище останется только в моем воображении?

МУЖЧИНА. Не расстраивайтесь, всё как-нибудь образуется.

РЕЖИССЕР. Будем надеяться. *(Взглянув на Консультантку.)* Но давайте продолжим. Итак, вы вдвоем стоите у гроба – не только как премьер и член правительства, но и как мужчина и женщина, символ взаимной симпатии, воплощение человечности, теплоты и надежды. Однако помните: зрелище, как бы оно ни было красиво, - это прежде всего пропагандистская акция. Она направлена не на прославление покойника, а на укрепление власти, которую вы представляете. Поэтому вы должны выглядеть достойно и впечатляюще. Вы скорбите, но скорбите по-разному. Женщина может себе позволить больше чувства и непосредственности, мужчина – больше серьезности момента и ответственности перед страной. Теперь представьте себе всё, что я описал, и ваши слова зазвучат так, как нужно.

МУЖЧИНА. *(Воодушевленно, глаза его заблестели.)* Да, мне кажется, что я будто уже стою на площади...

РЕЖИССЕР. Тогда сразу и продолжайте вашу речь.

МУЖЧИНА. *(С чувством.)* «Дорогой брат! Иногда вы критиковали нас, но мы никогда не были врагами. Да, мы расходились во мнениях, да, часто спорили... Но всегда знали, что в глубине души мы стоим на одной позиции, что мы оба любим свою родину, свой народ».

РЕЖИССЕР. Почему вы обращаетесь к нему на «вы»?

МУЖЧИНА. А как надо?

РЕЖИССЕР. К покойнику всегда обращаются на «ты».

МУЖЧИНА. При жизни мы были на «вы».

РЕЖИССЕР. Посмотрите, что написано в тексте, который вы держите в руках.

МУЖЧИНА. *(Виновато.)* Тут написано «ты».

РЕЖИССЕР. *(Убедившись, что Консультантка его слушает.)* Автор пьесы – это как господь бог. Творит только он, а мы лишь истолковываем его мысли в меру нашего умения и понимания. А вы решили, что можете обращаться с текстом, как двоечник, не выучивший урока. Автор не только талантливее нас с вами, но он еще и тщательно работает над словом, думает над ритмом речи, над строем фразы. А актеры то и дело несут лихую отсебятину.

МУЖЧИНА. Но я изменил только одно слово...

РЕЖИССЕР. Иногда достаточно изменить запятую, чтобы исказить смысл всей речи. Повторите все снова.

МУЖЧИНА. *(Заглянув для верности в листок, произносит фразу снова, выделяя «правильное» слово.)* «Да, иногда мы с ТОБОЙ расходились во мнениях, да, часто мы спорили... Но всегда знали, что в глубине души мы стоим на одной позиции, оба любим свою родину, свой народ».

РЕЖИССЕР. На этот раз хорошо! Продолжайте.

МУЖЧИНА. «Когда незадолго до смерти ТЫ прислал мне письмо, где признал неверность своей критики, понял, что она была ошибкой, просил прощения, просил разрешения быть с нами рядом, выразил желание тесно сотрудничать, чтобы вместе бороться за наше светлое будущее, ТЫ не знал, что я давно уже простил ТЕБЯ, что я никогда на ТЕБЯ не сердился. Наоборот, я всегда был благодарен ТЕБЕ за честную и смелую критику. Мы гордимся дружбой с ТОБОЙ. ТЫ наш, ты один из нас. Мы можем быть довольны: будущее, которого все давно ждали, уже близко, оно уже наступило»

РЕЖИССЕР. Великолепно! Наконец-то я доволен. Теперь вы с ней должны пожать друг другу руку... Нет, подождите... *(Озаренный мыслью.)* Не пожать руку, а обняться. *(Он обрадован своей режиссерской находкой.)* Да, это будет хорошая фишка! Вы как бы скорбите не порознь, но вместе. Понимаете?

ЖЕНЩИНА. Нет.

МУЖЧИНА. Ты никогда ничего не понимаешь.

ЖЕНЩИНА. Можно подумать, что вы очень умный. Даже изобразить скорбь не можете.

МУЖЧИНА. А ты можешь?

ЖЕНЩИНА. Я могу всё, что скажут. Хочу – заплачу, хочу – засмеюсь. Что надо, то и сделаю.

МУЖЧИНА. Я тоже могу всё, что скажут.

ЖЕНЩИНА. *(Режиссеру.)* Так зачем все-таки обниматься?

РЕЖИССЕР. Объятия должны показать всем, что вы едины. И не только в политическом отношении, но и в духовном, в человеческом. Понимаете? Вы все друзья, единомышленники, у вас одни цели, одни интересы. Слово «единство» для вас - не простой звук, нет - это ваше кредо, ваш идеал. Вы едины между собой, вы одна семья, вы едины с нами, короче говоря, народ и партия едины. Как бишь называется ваша партия? А, впрочем, это неважно. Обнимайтесь.

Мужчина и женщина нехотя обнимаются.

РЕЖИССЕР. *(Раздраженно.)* Не так!

МУЖЧИНА. А как?

РЕЖИССЕР. Не холодно, не бесчувственно, а в едином душевном порыве!

Мужчина страстно и продолжительно обнимает Женщину.

Да не так, черт побери!

МУЖЧИНА. Что опять вас не устраивает?

РЕЖИССЕР. Вы набросились на нее, как на чужую жену при первом свидании в дешевой гостинице, снятой на час. Я же сказал: в душевном, а не в телесном порыве! Не так! Сколько раз надо повторять: медленно и печально! Как обнимаются мать с отцом над могилой сына!

ЖЕНЩИНА. Чем ругаться, лучше бы показали. Хороший режиссер всегда показывает.

РЕЖИССЕР. Хорошему актеру показ не нужен, а плохому он не поможет. Но поскольку слов вы не понимаете, я покажу. *(Медленно и печально обнимает Консультантку, подчеркнуто демонстрируя, чего он хочет добиться от своих актеров.)* А теперь повторите.

Мужчина и Женщина вновь обнимаются, пытаясь подражать показу. Режиссер морщится.

РЕЖИССЕР. Уже лучше, хотя до совершенства далеко. Попробуйте пока еще раз.

У Консультантки звонит телефон. Она отходит в сторону и слушает. Мужчина и Женщина вновь обнимаются.

РЕЖИССЕР. Так... Еще раз... Ладно, сейчас некогда, потренируете объятия ночью.

Консультантка завершает разговор.

КОНСУЛЬТАНТКА. Уважаемые господа! Я с прискорбием должна сообщить вам печальную новость. Только что скончался уважаемый деятель оппозиции.

Пауза.

ЖЕНЩИНА. Как это? Просто взял и скончался?

КОНСУЛЬТАНТКА. Погиб при дорожно-транспортном происшествии. Полиция выясняет причины аварии.

РЕЖИССЕР. Но это точно, что он умер?

КОНСУЛЬТАНТКА. Совершенно точно.

РЕЖИССЕР. Значит, завтра похороны состоятся?

КОНСУЛЬТАНТКА. Разве их кто-нибудь отменял?

РЕЖИССЕР. И я получу вечером обещанный гонорар?

МУЖЧИНА. *(Жизнерадостно.)* Конечно! Я же говорил, что он умрет, а вы мне не верили. Я порядочный человек и никогда не обманываю своих друзей.

ЖЕНЩИНА. Вы их не обманываете, потому что друзей у вас нет.

МУЖЧИНА. Шутки у гроба неуместны.

РЕЖИССЕР. Что же нам теперь делать?

КОНСУЛЬТАНТКА. Продолжать репетиции. И поторапливайтесь. Церемония должна начаться завтра ровно в три, как и было намечено.

РЕЖИССЕР. Слушаюсь.

КОНСУЛЬТАНТКА. Только сначала я должна на одну минутку отвлечь премьера. В связи с последними новостями нам надо сделать несколько распоряжений. Порепетируйте пока с его партнершей.

Консультантка и Мужчина выходят.

РЕЖИССЕР. Ну что ж, продолжим репетицию?

ЖЕНЩИНА. Ну ее к черту! *(Вполголоса.)* Теперь вы понимаете, почему я хочу укрыться в Коста-Рике?

РЕЖИССЕР. Не понимаю.

ЖЕНЩИНА. Чего тут не понимать? Я боюсь! А вы разве нет?

РЕЖИССЕР. Не говорите глупостей. Чего нам бояться?

ЖЕНЩИНА. *(Пугливо оглядываясь, тихо.)* Тише!

РЕЖИССЕР. *(Тоже поневоле оглядываясь.)* Здесь же никого нет.

ЖЕНЩИНА. Вы что, с луны свалились? А 12 видеокамер? А жучки?

РЕЖИССЕР. Откуда вы знаете?

ЖЕНЩИНА. Я в этой студии не в первый раз.

РЕЖИССЕР. *(Тоже неуверенно озирается.)* Вы думаете...

ЖЕНЩИНА. *(Прерывая.)* Да, представьте себе, я думаю. Вы считаете меня дурой, а сами ведете себя еще глупее. Обрадовались, что получите гонорар, а не понимаете, что, быть может, астролог и вам предскажет что-нибудь насчет Юпитера и Козерога.

РЕЖИССЕР. Чего ради? Кому я мешаю?

ЖЕНЩИНА. Вы что – забыли старую формулу: «он слишком много знал»?

РЕЖИССЕР. *(Забеспокоившись.)* Получу-ка я, пожалуй, завтра свой гонорар и сразу свалю в эту вашу Коста-Рику.

ЖЕНЩИНА. Хотите, полетим вместе? Прямо сегодня.

РЕЖИССЕР. И все бросить? Перед спектаклем?

ЖЕНЩИНА. Гори оно всё синим пламенем.

РЕЖИССЕР. Нет, я не могу. Подготовить такое роскошное зрелище и не увидеть его?

ЖЕНЩИНА. Ну, как знаете. Потом не пожалейте.

РЕЖИССЕР. Думаете, все так серьезно?

ЖЕНЩИНА. Тихо! *(Понижая голос до шепота.)* Если потом вас вызовут и спросят, о чем мы сейчас говорили, то есть о Коста-Рике и все такое, скажите, что это мы репетировали.

РЕЖИССЕР. *(Он явно напуган.)* Может, и в самом деле сбежать?

ЖЕНЩИНА. Вы, кажется, собирались лететь куда-то в Африку. У вас паспорт с собой?

РЕЖИССЕР. Да. А что?

ЖЕНЩИНА. Так смоемся прямо сейчас, пока ее нет. Выйдем тихонько - и прямо в аэропорт.

РЕЖИССЕР. Вы авантюристка.

ЖЕНЩИНА. Просто у меня женское чутье. Бежим?

РЕЖИССЕР. *(Поколебавшись, решительно.)* Бежим.

Режиссер и Женщина, поспешно захватив свои вещи (сумку, пиджак и пр.), направляются к выходу. Входят Консультантка и Мужчина.

КОНСУЛЬТАНТКА. Вы куда?

ЖЕНЩИНА. *(Смутившись.)* В туалет.

КОНСУЛЬТАНТКА. Вдвоем?

ЖЕНЩИНА. Почему нет?

КОНСУЛЬТАНТКА. Оставайтесь и завершайте репетицию. Наше время ограничено.

РЕЖИССЕР. Признаться, я неважно себя чувствую. И вообще... Меня ждут на площади, пора начинать репетицию церемонии там. А здесь они и сами закончат.

КОНСУЛЬТАНТКА. Ну, что ж, идите.

Режиссер хочет открыть дверь, но она не поддается. Он возвращается.

Почему вы не ушли? Передумали?

РЕЖИССЕР. Дверь не открывается.

КОНСУЛЬТАНТКА. Возможно, что-то случилось с замком.

РЕЖИССЕР. И нельзя это исправить?

КОНСУЛЬТАНТКА. Не знаю. Я в замках ничего не понимаю.

РЕЖИССЕР. Но мне надо уйти.

КОНСУЛЬТАНТКА. Вы знаете, что происходит с пассажиром, если он на полном ходу вздумает соскочить с поезда?

РЕЖИССЕР. *(Подавленно.)* Хорошо. Продолжим репетицию. На чем мы остановились?

ЖЕНЩИНА. На объятьях.

РЕЖИССЕР. Да, правильно... Повторяю мизансцену: женщина говорит «прости, я не могу сдержать слез» и прячет лицо на плече премьеры, а он ее утешает. Потом, мягко отстранив ее, он произносит клятву работать на благо народа и всё такое прочее. Поехали.

ЖЕНЩИНА. «Прости, я не могу сдержать слез». *(Прячет лицо на плече Мужчины.)*

МУЖЧИНА. «Наша скорбь безмерна, но мы клянемся тебе...»

РЕЖИССЕР. Стоп. Вы говорите «скорбь безмерна», а сами от радости сияете, как начищенный сапог.

МУЖЧИНА. Извините, я непроизвольно.

РЕЖИССЕР. Я понимаю ваши чувства.

МУЖЧИНА. Завтра я буду очень скорбеть, вот увидите.

ЖЕНЩИНА. И вообще, мы устали, не выспались. Давайте лучше мы до завтра все выучим, потренируемся и на церемонии будем так скорбеть, что все заплачут. А сейчас просто сил нет.

Телефонный звонок. Консультантка смотрит на экран своего телефона. Лицо ее сразу становится очень серьезным.

КОНСУЛЬТАНТКА. *(Вставая. В телефон.)* Да.... Да.... Слушаю...

Мужчина и Женщина замирают, встав по стойке «смирно».

РЕЖИССЕР. Что случилось?

ЖЕНЩИНА. *(Шепотом.)* Тихо!

РЕЖИССЕР. Кто это звонит?

ЖЕНЩИНА. *(Шепотом.)* «Кто, кто...» Не понимаете, что ли? Главный режиссер!

РЕЖИССЕР. Какой еще главный? Здесь главный я.

ЖЕНЩИНА. Не смешите меня. Вы и в самом деле вообразили, что вы тут режиссер? Вы пешка, исполнитель, и больше ничего. Неужели вы еще не поняли?

КОНСУЛЬТАНТКА. Замолчите все! *(В трубку.)* Слушаюсь... Слушаюсь... Слушаюсь...

РЕЖИССЕР. *(В смятении.)* Так это... *(Встает по стойке «смирно».)*

КОНСУЛЬТАНТКА. *(В трубку.)* Хорошо... Слушаюсь... Будет сделано.

Консультантка заканчивает разговор. Почтительное молчание.

РЕЖИССЕР. Что он сказал?

КОНСУЛЬТАНТКА. Он сказал, что в целом сценарий и подготовка шоу ему понравились.

Он передает вам благодарность.

РЕЖИССЕР. Спасибо. Если вам понадобится специалист для постановки коронации, не забудьте пригласить меня. Я поставлю это зрелище на славу.

КОНСУЛЬТАНТКА. Будем иметь в виду. Что же касается этих двух исполнителей, то они его не совсем устраивают.

МУЖЧИНА. *(Встревоженно.)* Что он имел в виду? Мы вообще его не устраиваем?

КОНСУЛЬТАНТКА. Нет, пока он имел в виду только трактовку и исполнение ваших завтрашних ролей.

РЕЖИССЕР. Откуда он знает, какая у меня трактовка? Он ведь не видел репетицию.

Консультантка молча отвечает ему выразительным взглядом.

Извините.

ЖЕНЩИНА. Что же нам делать?

КОНСУЛЬТАНТКА. Приказано прекратить болтовню и как можно быстрее завершить репетицию. *(Режиссеру.)* Да, и надо резко сократить смету этого шоу. Вы увлеклись. В конце концов, хоронят не президента, и не премьер-министра, а всего лишь частное лицо.

РЕЖИССЕР. Но ведь тогда рушится весь мой красивый замысел...

КОНСУЛЬТАНТКА. У вас есть возражения?

РЕЖИССЕР. Никак нет.

КОНСУЛЬТАНТКА. Что ж вы тогда стоите? Заканчивайте работу.

РЕЖИССЕР. Слушаюсь. *(Актерам.)* Займите свои места... *(Мужчине.)* На чем вы остановились? Прочитайте последнюю реплику.

МУЖЧИНА. Сейчас. *(Поискав в тексте роли нужное место.)* Вот: «Мы можем быть довольны: будущее, которого все давно ждали, уже наступило». *(Опустив бумагу с текстом роли.)* Всё.

РЕЖИССЕР. А что дальше?

МУЖЧИНА. Ничего. Конец.

РЕЖИССЕР. *(Устало.)* Ну, хорошо. Конец, так конец.

КОНЕЦ